

Бориса Марковича Чикова в Академгородке знали многие. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, известный специалист по проблемам региональной геологии и тектоники материков и Мирового океана. Он был человеком активным, инициативным, доброжелательным. Был... Так внезапно и неожиданно его не стало. Нелепая случайность, говорят.

Он не прошел всего пути...

Борис Маркович многое успел в этой жизни, проявляя интерес к её разным сторонам и явлениям. По специальности он — инженер-геолог, не один год работал, согласно диплому, в Магаданской области. Был главным геологом Центральной геолого-геофизической экспедиции Северо-Восточного управления Министерства геологии СССР.

В 1967 году Б.М. Чиков после окончания аспирантуры, стал сотрудником ИГиГ СО АН СССР. До конца своих дней он был предан науке, пройдя путь до главного научного сотрудника и заведующего лабораторией.

Много лет ученый «образовывал» молодежь — преподавал в НГУ, читал курсы лекций в институтах Екатеринбург, Красноярск, Душанбе. Студенты неизменно отмечали его умение увлекательно излагать материал, профессионализм, интеллигентность.

Б.М. Чиков много публиковался, руководил научной работой аспирантов и студентов, участвовал в организации и проведении конференций и олимпиад. И было заметно, что работа эта ему по душе. Борис Маркович умел увлекаться делом и выполнять обязанности не формально, а с душой.

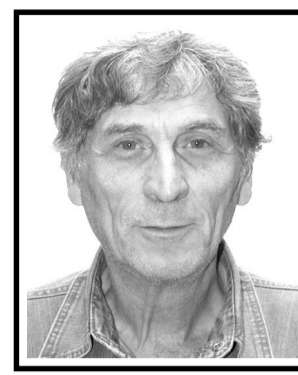
Был он неравнодушен к спорту — в свое время возглавлял волейбольную команду ИГиГ. Любил лыжи. И даже в возрасте, который принято называть солидным, не признавал принципиально дистанции меньше излюбленной «десяточки».

Много добрых дел мог бы ещё свершить Борис Маркович Чиков, продолжив, как говорят коллеги, свой геологический маршрут.

Борис Маркович был постоянным автором нашей газеты. Предлагалем вниманию читателей одно из его последних эссе.

26 марта 2011 г. ушёл из жизни ведущий научный сотрудник лаборатории элементного анализа ЛИИ СО РАН, руководитель ЦКП «Геохронология кайнозоя», заместитель директора ИАЭТ СО РАН, к.ф.-м.н.

Евгений Львович ГОЛЬДБЕРГ

Евгений Львович родился 18 мая 1949 г. в г. Рубцовске Алтайского края в семье инженера и учительницы.

В 1971 г. окончил Новосибирский государственный университет по специальности «физика».

В начале своей карьеры (1971—1992 гг.) работал в Институте химии твёрдого тела и минерального сырья (г. Новосибирск), где защитил кандидатскую диссертацию (1982 г.) и заложил одно из научных направлений в области механохимии (теоретические основы самораспространяющихся дефектов в твёрдых телах).

В 1992—1994 гг. занимался разработкой технологий порошковой металлургии — основал наукоёмкое производство ТОО «ТЕХПОР» и был директором этого предприятия.

С 1994 года работал в Лимнологическом институте, руководил лабораторией палеоклиматологии в период с 2003 по 2006 гг. Сплав опыта и знаний, полученных ранее в области физики, а также энтузиазм и нетривиальное мышление, которым он всегда отличался, дали толчок развитию ещё одного нового научного направления, теперь уже в области палеоклиматологии — поиск и интерпретация сигналов палеоклимата по результатам многоэлементного и изотопного анализа осадочных кернов. Прежде всего Е.Л. Гольдберг выявил и показал важную роль абиогенных элементов для расшифровки климата и условий окружающей среды, что, с точки зрения «классической» палеоклиматологии, считалось «не заслуживающим внимания».

Интерпретация уранового сигнала в осадках Байкала как сигнала влажности климата и созданные им концептуальные и математические модели позволили провести высокоразрешающую (100—200 лет) реконструкцию влажности климата в бассейне озера за последние 150 тыс. лет — единственную пока реконструкцию такого рода для Евразийского континента.

Под его руководством совместно с научными организациями СО РАН и ДВО РАН проведены комплексные исследования осадочных кернов из Охотского моря. Впервые получены высокоразрешающие (~200 лет) летописи химических элементов, изотопных, биологических и геохимических индикаторов на интервале последних 350 тыс. лет. Идентифицированы сигналы биопродуктивности Охотского моря разных типов, проведе-

на датировка кернов, обнаружены ранее неизвестные события камчатско-курильского вулканизма, показано большое влияние р. Амур и её бассейна на процессы в прилегающей акватории. Выявлено подобие откликов Байкала и Охотского моря на изменение глобального климата в северном полушарии, предложен общий сценарий и механизмы их обуславливающие.

С 2005 г. основным местом работы Е.Л. Гольдберга стал Институт археологии и этнографии СО РАН, где он руководил созданием ЦКП «Геохронология кайнозоя» в Новосибирском научном центре. При его непосредственном участии был построен первый в России ускорительный масс-спектрометр (единственный в мире конструкция в вертикальном исполнении). Несмотря на финансовые трудности, благодаря упорству и самоотверженному труду, масс-спектрометр был запущен, создана уникальная линия прободготовки. Евгений Львович решил непростую в наше время кадровую проблему — создал молодой коллектив, способный поддерживать деятельность ЦКП, решать научные и прикладные задачи.

Евгений Львович опубликовал более 150 работ в рецензируемых научных изданиях. Его высокий индекс цитируемости (более 400 по базе Web of Science) свидетельствует о большом вкладе в мировую науку.

Люди, встречавшиеся с ним, знали его как человека, для которого наука была делом всей жизни. Даже будучи уже тяжело больным, он полноценно участвовал в постановке и решении научных задач, поражая своей силой воли, жаждой жизни и неиссякаемым оптимизмом. Его идеи и способы решения задач были оригинальны и нетривиальны, стимулируя в нас — тех, кто непосредственно с ним работал — творческое начало и вдохновляя на труд. В нём сочетались удивительным образом порядочность и отзывчивость. Он никогда не был скучным. Энергичный, жизнерадостный, с великодушным чувством юмора — мы всегда находили его поддержку в трудные моменты. Его преждевременная кончина стала тяжёлой утратой. Мы глубоко скорбим и соболезнуем семье, друзьям и близким.

Сотрудники Лимнологического института СО РАН, г. Иркутск
Сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

К проблемам научной критики и практики рецензирования

Всем известно, что научная критика должна быть объективной, конструктивной, непредвзятой и по возможности доброжелательной. Представляется, что в основе научной критики — профессионализм и профессиональная этика. Такая критика полезна и необходима и как поддержка перспективного направления, и как ограничитель лженауки, и как профессиональная помощь автору в отношении научного редактирования.

По-видимому, так это и бывает (в общем случае). Но почему академик Л.И. Седов ещё в середине прошлого столетия называл критиков научных работ «донкихотами» своего времени? И почему научная критика нередко имеет негативные последствия и ведёт не к прогрессу, а к обрушению целых научных дисциплин? И есть ли профессиональные и этические проблемы современной экспертизы научных работ?

Очевидно, что всякое научное рассуждение, имеющее доказательную силу, должно обладать высокой степенью к критике. Также очевидно, что аморальной науки не может быть, точно так же, как не может быть научной морали, отличной от общечеловеческой. Однако нередко в реальной конкуренции наблюдаются ситуации, когда в условиях существования научных школ представители школы академика N, которые «владеют» журналом, предвзятые по отношению к работам представителей конкурирующей школы академика X. Озабоченность этой проблемой в Европе выразил Президент Всемирной ассоциации научных работников Жан-Мари Леге ещё в середине прошлого столетия («Кого страшит развитие науки?» М.: Знание, 1988).

Традиционно научная новизна воспринимается благосклонно в том случае, когда она (новизна) подтверждает уже известное. И профессионалу легко составить рецензию на работу, представляющую традиционное научное направление и укрепляющую его основы. Это оценка с позиции уже известного с акцентом на дополнении или противоречии. Другое дело — критика «нового слова», которое на первых порах является гипотетичным, но представляет угрозу традициям. Конечно, это новое должно быть обосновано представительным экспериментальным материалом, соответствовать установленным законам природы и правилам научной логики. Но критику результатов такой новизны не мешает помнить слова А.П. Чехова: «Боже, избавь меня от необходимости осуждать или делать замечания к тому, в чем я не разбираюсь». На то оно и новое.

Безусловно, только профессионал может квалифицированно определить научную основательность, степень новизны или необоснованность обсуждаемого тезиса (для этого необходимы глубокие знания предмета и законов природы). Но даже глубокое знание в узкопрофессиональной области не освобождает от возможности ошибочной критики более общих вопросов.

Очевидно также, что прогресс на-

уки неотделим от блужданий поиска. Здесь критика необходима и полезна в принципе: рецензент вольно или невольно помогает автору. Подобно врачебной практике, в этом случае главным в экспертизе является принцип «не навреди». Однако нередко жесткой критике подвергаются новые результаты, требующие от рецензента лишь понимания постановки задачи и уважительного отношения к дискуссии. Основы бережного подхода к оценке новой проблемы сформулировал академик А. Мигдал: «Не старайтесь с самого начала понимать всё до конца».

Рутинной практикой научной критики является рецензирование. Здесь профессиональные и этические нормы работают очень тонко. Как в первом, так и во втором случаях авторитетный научный опыт может сыграть злую шутку. Вспомним ситуацию с магнитометрическим обоснованием гипотезы спрединга («растекания морского дна» в тектонике литосферных плит), когда практически одновременно идея была предложена для канадского и американского журналов. В первом случае идею отвергли как «слишком умозрительную», а во втором идея получила широкое признание, а гипотеза — имя «Вайна и Метьюза».

Критика дилетанта (даже просвещённого) обращает внимание преимущественно на то, что ещё можно сделать «в направлении» и найти то, что автор «не рассмотрел» (для этого не нужно большого ума — необходимо лишь помнить, что любое природное явление обладает бесконечным спектром свойств и включает неограниченное число взаимодействий). Нередко «авторитетные» критики, знающие предмет на уровне школьных словарей или личного опыта далекого прошлого, вальжано указывают на моменты, которые, по их мнению, упущены авторами. Им трудно представить положительные аспекты проблемы — для этого нужно знать предмет профессионально. Также сложно им определить границы необходимого и достаточного при решении обсуждаемого вопроса, и почему тот или иной автор ограничил содержание работы в направлениях, даже верно указанных. Но «указующий перст» создаёт впечатление, что критик разбирается в проблеме не хуже разработчика.

Особое значение имеет административная критика: где власть, там и установки на монопольное право определять, что верно, а что ложно. Однако администраторы «тоже люди». Только очень ограниченные люди могут быть непоколебимо уверенными — это черта характера. Но очень часто именно они становятся чиновниками-администраторами. А кто по большому счету оценивает результаты интеллектуальной деятельности в организованном научном сообществе, и кто назначается критиком «ложного» или неугодного направления? Конечно же, начальствующий чиновник, возглавляющий ту или иную комиссию по назначению тоже чиновников, но вышестоящих. Практика показывает, что критические построения с позиции требований руководства или «злобы дня» конъюнктурно ориентированы и

страдают многими грехами (см. лысенковщина, «служанки империализма», «развитие» в нашей стране вычислительной техники и т.п.). И, к сожалению, организационную власть нередко сопровождает коррупция, в том числе культурная и научная.

В середине прошлого столетия Томас Кун («Структура научных революций») сформулировал в целом верное представление о научных парадигмах. Но парадигма для чиновников — не только привлекающее научное мировоззрение. «Это организующее начало тех мощных инфраструктур, которые обеспечивают развитие научного направления, в частности, благоденствие его сторонников. Сюда откачивается львиная доля средств, отпускаемых на развитие научных исследований. Идеи же, содержащие антипарадигмальные тенденции, как и новые, и нереализованные старые, замуровываются представителями «нормальной науки» не менее тщательно, чем контейнеры с радиоактивными отходами» (Пономарёв, «Природа», 1991, № 10).

Однако во избежание анархии и хаоса власть необходима во всех организациях общества, даже в сверхдемократических. Ибо, к сожалению, и демократия страдает издержками принятия решений. Очевидно также, что в науке «демократические попытки установить истину официальным большинством или более громким звучанием голосов» не полезны (академик А.Н. Несмеянов). А пример казни Сократа решением демократического большинства наглядно показывает подобные издержки более общего порядка.

Острота проблемы инакомыслия и научной новизны общеизвестна. Открывателей научной новизны, в принципе, очень немного; гораздо больше «закрывателей». Причем, слова «недоказуемо», «не может быть» и им аналогичные чаще всего звучат из уст профессиональных учёных. Достаточно вспомнить Исаака Ньютона. Его закон всемирного тяготения был результатом наблюдений за поведением планет и Луны и их обработки с помощью математической логики. Долгое время закон подвергался сомнениям по тем или иным причинам. В частности, выдающийся естествоиспытатель Лейбниц не признавал закон гравитации на основании того, что не было объяснения причины вращательного движения планет вокруг Солнца (о чем писал и Ньютон: «Гравитация управляет движением планет, но мы не знаем, какие силы движут планетами»).

Доказательство достоверности научной новизны требует не меньше усилий, чем обнаружение неведомого явления. И очевидно, что инакомыслие, как и отличие от общепринятых рассуждений, не является признаком ложности мысли. Очевидно также, что там, где «общепринято», нет места научной дискуссии. А практика научных дискуссий и критики отражается в триаде Гумбольдта, когда на первой стадии критик может увидеть лишь «чушь какую-то», на второй — проявит сомнение («в этом что-то есть»), и только на заключительной согласится с правой оппозицией — «кто же этого не знает!». Но сколько времени будет упущено для прогресса?

Учреждение Российской академии наук Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова Сибирского отделения РАН (НИОХ СО РАН) объявляет конкурс на замещение вакантных должностей на условиях срочного трудового договора: научного сотрудника, к.х.н. по специальности 02.00.03 «органическая химия» в лаборатории медицинской химии — 1 вакансия; научного сотрудника, к.х.н. по специальности 02.00.03 «органическая химия» в лаборатории изучения механизмов органических реакций — 1 вакансия. Дата и место проведения конкурса — 01.06.2011 г. в НИОХ СО РАН. Требования к кандидатам — в соответствии с квалификационными характеристиками, утвержденными постановлением Президиума РАН от 25.03.2008 г. № 196. Срок подачи документов — не позднее 2-х месяцев со дня публикации объявления. Заявления и документы направлять в конкурсную комиссию по адресу: 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 9. Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайте института (<http://www.nioch.nsc.ru>) и Президиума СО РАН (<http://www.sbras.nsc.ru>). Справки по тел.: 330-68-55 (отдел кадров).